

ОСВОЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ РУСИЗМОВ В СИСТЕМЕ ПОЛЬСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Е. А. Войцева, Н. О. Грунтова (Одесса)

Лексический состав польского языка в процессе исторического развития претерпел значительные изменения, в частности, пополнился заимствованиями из родственного русского языка. Иноязычные элементы органически вошли в систему польского языка, подчинились ее законам и функционируют наряду с исконной лексикой. Степень освоенности заимствований связана с внешними условиями (сферой употребления, частотой использования слова) и с тем, «насколько «инородными» являются основные параметры слова: его фонетические, морфологические и семантические особенности» (Кузнецова, 1989, с. 147).

В русской лингвистической литературе пока нет специального исследования, полно и всесторонне рассматривающего данную проблему. Отдельные замечания и интересные наблюдения содержатся в работах В. В. Макушева, М. И. Онишкевича, Р. М. Вайнтрауба, А. И. Рогова, Н. Романовой и др. В польской научной литературе русские заимствования рассматриваются в связи с обзором иноязычных заимствований в польском языке. Русско-польские языковые контакты нашли отражение в публикациях А. Брюкнера, К. Нитша, Т. Лер-Сплавинского, С. Урбанчика, Л. Чарковского, Я. Белецкой-Латковской и др.

Проникновению иноязычных слов и словосочетаний в систему польского языка способствовали, прежде всего, внеязыковые факторы, связанные с культурными, политическими, экономическими связями между Россией и Польшей, восходящими к XIII — XIV вв. Активизация русско-польских языковых контактов наблюдается со второй половины XIV в. в связи со вступлением на престол литовского князя В. Ягелло. «К этому времени ...прекращается длившееся с X в. непосредственное влияние немцев и чехов и начинается русское» (Макушев, 1876, с. 169). Русский язык начинает употребляться при польском дворе, постепенно проникая в общественно-государственную жизнь Польши (Будилович, 1892, с. 291) становится официальным дипломатическим языком между Литовско-Польским государством и Россией. Поляки, «жившие в русских землях, усвоили себе русские слова и выражения, пословицы, поговорки и песни», в свою очередь, русские, писавшие по-польски, «неволью или преднамеренно вносили русизмы в свою польскую речь» (Макушев, 1876, с.

167). Наиболее типичной формой заимствования на начальном этапе было заимствование наименования вместе с той или иной вещью, понятием, явлением. Хронологически древнейшим русским заимствованием, согласно данным Р. М. Вайнтрауба, является слово *bojaryn* (*bojar*), известное в Великопольше и активно используемое в XIV в. (Вайнтрауб, 1964, с. 80). К ранним заимствованиям относятся, в основном, слова, фиксируемые в польских толковых словарях с пометками «*dawny*» (*altyln, skomoroch, wiorsta*), «*historyczny*» (*bojarzyn, sowietnik, ochrana*), «*przestarzały*» (*plennik, soldat, skakun*).

С начала XVIII в. русское влияние на польский язык усиливается (Витковский, 1957, с. 75) в связи с внутрисоциальным развитием обоих государств (разделы Польши в конце XVIII в., революция 1917 года, события первой и второй мировых войн, прогресс науки и техники и др.).

Польский язык пополнился словарными единицами русского происхождения, составляющими значительный пласт: свыше 2 тысяч лексических единиц (Белецка-Латковска, 1987, с. 91). Среди заимствований выделяются собственно русизмы (прямые заимствования), перешедшие в польский язык в русском фонетическом оформлении и связанные с реалиями российского быта, культурой, обычаями (*balajka, publiczki, czastuszka, rubaszka, pir*). Значительная часть опосредованных заимствований восходит к тюркским языкам (*arbuz, kalym, tiubietejka*), а также английского (*frencz, konwejer*), немецкого (*frejlina*), финского происхождения (*nerpa, purga*) и из ряда других языков. Словарный состав польского языка пополнился синонимичными лексемами, расширяющими и углубляющими представление о том или ином предмете, его признаке. Заимствования из русского языка вошли в новые для них синонимические ряды, приобрели другие семантико-стилистические оттенки, например: *kukuruznik* — *pot. mały, zwinny, dwupaltowy samolot*; *spec* — *pot. specjalista* в *jakijs dziedzinie* (SWO, s. 479; 795). Такие русские по происхождению заимствования, как *czajnik, ribiez, dorozka* прочно вошли в лексический строй польского языка, утратили характер местного колорита и вытеснили устаревшие польские синонимы (Онишкевич, 1955, с. 148 и др.). В ходе заимствования польские многочленные обозначения находят русскую однословную форму: *pas graniczny* — *rubiez*; *kopalnie rudy na Syberii* — *rudniki*.

Заимствования из русского языка подвергались графической, фонетической, морфологической и семантической адаптации. Степень усвоения заимствований зависела как от внешних условий, частоты использования, так и от материальных, функциональных, типологических различий иноязычных элементов. Русский и польский языки об-

ладают большой степенью близости, однако имеют и ряд различий, обусловленных самостоятельным длительным развитием славянских народов в разных историко-культурных, географических, этнических условиях. Освоение заимствованных слов — закономерный процесс, в ходе которого иноязычные по происхождению лексемы входят в разноуровневые языковые парадигмы. На первоначальном этапе заимствования графически передаются средствами польского языка. При этом мягкость согласных обозначается в соответствии с фонетическим принципом (с помощью знака «креска» или буквы *i*): *kolchoźnica, sazeń*. Исторический принцип правописания реализуется в обозначении шипящего (*ź*), чередующегося с (*r*) как *rz*, а в других случаях как (*ż*): *mierzyn, muzyk*, а также в написании диграфа *ch* славянского происхождения; *chaltura, lunochod*. Фонетическое освоение проявляется в изменении отдельных звуков русского по происхождению слова, сближении их с фонетической системой польского языка; отсутствующие в русском языке звуки заменяются сходными: твердый сонорный [л] передается как полугласный неслоговой [ɫ]: *tulub* либо как средневропейский [l]: *polarnik*; шипящая аффриката [ч'] передается как твердая небная [ɕ]: *czajnik, dacza*; мягкий [с'] — глухим щелевым среднеязычным [s']: *siewruga, bosiak*; [з'] — звонким щелевым среднеязычным [ź]: *ziemlanka, kolchoźnik*. В большинстве заимствований ударение фиксируется на предпоследнем слоге.

Иноязычные по происхождению лексемы приобретают грамматические значения и аффиксы, характерные для системы польского языка: *обработка* — *obróbka*, *декабрист* — *dekabrysta*, *кочевать* — *koczować*, *поселить* — *podziżyć*; в ряде случаев наступает смена категории рода и числа, *береста* — *berest-r.m., юрта* — *jurt* — *r.m., кутила* — *kutilo* — *r.n., ругань* — *ruganie* — *r.n., бакалея* — *bakalie* — *lm*.

Одним из существенных факторов в процессе ассимиляции заимствованных слов является семантическое освоение, происходящее по таким направлениям, как сужение границ значения заимствованного слова по отношению к исконному слову, расширение значения либо передвижение границ значения по сравнению с оригиналом.

Сужение объема значения (как и его расширение) объясняется сменой числа его носителей, а также разной частотой его употребления. Типичной сменой объема значения является его сужение, при котором только одно специализированное значение переходит в заимствующий язык (либо в случае однозначного слова сфера его функционирования сужается): *jaszczyk* — «*mała skrynka, puszka, pudełko do żywności* (Dor., t. 2, s. 346); *ящик* — «предмет, служащий для укладки, хранения или переноса чего-либо» (ССРЛЯ. т. 17, с. 2123); *bakłażka* — «*żołnierska metalowa flaszka na wodę*»

(Dor., t. 1, s. 308); *баклажка* — «небольшой деревянный или металлический сосуд для жидкости, преимущественно цилиндрической формы с крышкой или пробкой» (ССРЛЯ, т. 1, с. 248). При расширении значения слово переходит в более широкий круг носителей языка, количество обозначаемых им предметов возрастает, а значение соответственно обедняется: *burlak* — «*robotnik rosyjski, holujący na linie statki*»; «*włóczęga, biedak*» (Dor., t. 1., s. 732); *бурлак* — «рабочий, занимающийся тягую речных судов бечевою, вверх по течению реки» (ССРЛЯ, т. 1, с. 192).

Транспозиция значения наблюдается значительно реже, по сравнению с расширением и сужением значения, при этом новое значение, не отличаясь существенно по объему, указывает на другие предметы: *szantrapa* — «*obelżywie o kobiecie niechlujnej, niemoralnej*» (Dor., t. VIII, s. 1018); *шантрапа* — простореч., пренебр. «пустой, никчемный человек» (ССРЛЯ, т. 17, с. 1265); *czerdak* — «*rodzaj werandy*» (Dor., t. 1., s. 1124); *чердак* — «помещение между потолком и кровлей дома» (ССРЛЯ, т. 17, с. 855).

Наблюдения показывают, что генетически близкие лексические русские заимствования прошли сложный путь системного языкового освоения в польском литературном языке.

Будилович А. Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. — Варшава, 1892.

Вайнтрауб Р. М. Русские лексические заимствования в польском языке // Уч. зап. Ташкентск. пед. ин-та. — Ташкент, 1964. — Т. 45. — Вып. 3. — С. 76-92.

Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. — 2-е изд. — М.: Наука, 1989.

Макушев В. В. Следы русского влияния на польскую письменность // Слав. сборник. — Петербург, 1876. — Т. 3. — С. 166-182.

Онишкевич М. И. Слова східнослов'янського походження в польській мові // Вопросы славянского языкозн. — Львов: Изд-во Львов. ун-та, 1955. — Кн. 4. — С. 148-156.

Bielecka-Łatkowska J. Rosyjskie zapożyczenia leksykalne we współczesnym języku polskim. — Kielce, 1987.

Witkowski W. Rusycyzmy we współczesnym języku polskim // Język polski. — 1957. — N 2. — С. 75-79.

Список сокращений:

- ССРЛЯ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. — М.: Л., 1948 — 1965.
 Dor. Słownik języka polskiego w 11 tt // Pod red. W. Doroszewskiego. — Warszawa, 1958 — 1969.
 SWO Słownik wyrazów obcych. — Warszawa, 1991.